

DOI: 10.31857/S013038640028070-5

© 2023 г. Н.С. ИВАНОВ

ДОКТРИНА МОНРО И АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ (XIX – начало XX века)

Иванов Николай Серафимович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: nik3334@yandex.ru

Scopus Author ID: 57224398966; ORCID: 0000-0001-5040-540X

Аннотация. В статье анализируется один из главных аспектов доктрины Монро, принятой Соединенными Штатами в 1823 г., – соперничество и противостояние Британии, которая играла роль мирового гегемона вплоть до 70-х годов XIX в. В историографии при рассмотрении этого вопроса игнорируется или преуменьшается фактор противостояния США и Великобритании в Латинской Америке. Во многих недавних зарубежных работах доктрина Монро рассматривается именно под таким углом зрения. Автор анализирует период подготовки доктрины Монро, включая основные аспекты политики «нейтралитета» в годы Войны за независимость Южной Америки, поддержку латиноамериканских патриотов в их борьбе с испанской метрополией в контексте скрытой борьбы между США и Британией. При разработке доктрины Монро никоим образом не учитывались претензии молодых государств Южной Америки на суверенное развитие, равноправие в международных отношениях. Действие доктрины началось в неблагоприятных для США условиях неоспоримого мирового господства Британии в военной и экономической областях. Однако к концу XIX в. ситуация изменилась коренным образом в пользу США. В статье анализируются корректировка первоначального содержания доктрины в ходе борьбы между США и Британией в XIX – начале XX в., а также различные уступки Вашингтону со стороны Лондона в этот период. Хотя англо-американское соперничество в Латинской Америке продолжалось в первой трети XX в., однако уже к концу Первой мировой войны стало ясно, что власти США перешли к новому этапу гегемонизма, когда в 1919 г. президент В. Вильсон предложил видоизмененную доктрину Монро распространить на весь мир.

Ключевые слова: доктрина Монро, США, Великобритания, страны Латинской Америки, международное сотрудничество, международное соперничество.

N.S. Ivanov

The Monroe Doctrine and Anglo-American Rivalry in Latin America, 19th – early 20th centuries

Nikolay Ivanov, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: nik3334@yandex.ru

Scopus Author ID: 57224398966; ORCID: 0000-0001-5040-540X

Abstract. In the article, the author analyses the issues related to the US adoption of the Monroe Doctrine in 1823 in the context of Anglo-American confrontation and rivalry in Latin America. The author examines the relations between the USA and Great

Britain during the Spanish American wars of independence, the main aspects of the policy of “neutrality”, the actual support of Latin American patriots in their struggle against the Spanish metropole.

Despite the common interest in preventing European competitors from entering South America, the Americans did not sign a joint document with the British, despite repeated proposals from London. The Doctrine was put into effect under conditions unfavourable to the US, characterised by Britain’s unchallenged world domination in military and economic power. However, by the end of the nineteenth century, the situation changed dramatically in favour of the USA. The author analyses the content of the Doctrine (“America for the Americans”), its adjustment in the course of the rivalry between the USA and Great Britain in the nineteenth and early twentieth centuries, and the concessions made by the UK in its rivalry with its strategic competitor. In all events related to the Anglo-American rivalry in Latin America, the Monroe Doctrine was the “starting point” for the actions and statements of American politicians, and it is not by chance that President Woodrow Wilson stated at the 1919 Paris Peace Conference that the doctrine should be extended to the whole world.

Keywords: Monroe Doctrine, United States, United Kingdom, Latin American countries, international co-operation, international rivalry.

Доктрина Монро, принятая в США 200 лет назад, как пишут современные американские историки, стала в XIX в. таким же «священным» документом, как конституция и Декларация независимости¹. К ее юбилею выпущены монографии и статьи, где рассматриваются самые различные аспекты доктрины. Однако в них упускается из виду или преуменьшается фактор противостояния США и Великобритании в Латинской Америке, что вызвано во многом серьезными сдвигами в отношениях между этими странами с конца XIX в. («особые отношения», «англосаксонское единство»), связанными с «гегемонистским транзитом», переходом США на лидирующие позиции. В недавно вышедших работах Д. Модесте, Г. Ливингстоуна, Р. Хеффнера, К. Шейки, Дж. Мартца, Л. Шульца, Д. Свенсона и других авторов доктрина Монро рассматривается именно под таким углом зрения, что также в значительной степени связано с тесными союзническими отношениями между США и Англией на современном этапе².

В ряде работ совершенно правомерно указывается на то, что содержание доктрины в течение двух веков менялось (и порой кардинальным образом), так что, постулированная в качестве защиты принципов демократии и республиканизма на американском континенте, она использовалась в качестве предлога для вмешательства во внутренние дела латиноамериканских стран, организации государственных переворотов, насаждения авторитарных диктатур, полицейского и военного насилия и произвола, создания «эскадронов смерти» и расправ с политическими оппонентами. «Латинская Америка, некогда колонизованная Европой, — пишет бывший посол Гренады в ряде стран Д. Модесте, — была повторно колонизована Соединенными Штатами, [превратившись] в империю другого типа, ставшую врагом латиноамериканской демократии»³.

Доктрина Монро была непосредственно связана с англо-американским противостоянием на латиноамериканском континенте. После принятия Декларации о независимости в 1776 г. и до начала XIX в. влияние США на Латинскую Америку было минимальным, поскольку американцы были заняты внутренней консолидацией общества, борьбой между федералистами и сторонниками конфедерации, «английской» партией (А. Гамильтон), ориентировавшейся на английскую политическую модель, и «французской» (во главе с Т. Джефферсоном).

¹ Swanson D. The Monroe Doctrine at 200 and What to Replace it With. New York, 2023. P. 85.

² Schake K. Safe Passage: The Transition from British to American Hegemony. Cambridge; London, 2017; Modeste D.M. The Monroe Doctrine in a Contemporary Perspective. Routledge, 2020; Santa-Cruz A. US Hegemony and the Americas: Power and Economic Statecraft in International Relations. Routledge, 2020.

³ Modeste D. Op. cit. P. 28.

В эпоху наполеоновских войн США придерживались нейтралитета, декларацию о котором Дж. Вашингтон подписал в 1793 г.

При сохранении формальных отношений, как пишет В.В. Согрин, «Великобритания не упускала случая, чтобы наказать США за выход из [состава] империи»⁴. Английские военные корабли захватывали американские торговые суда, грубо нарушали международное право, что явилось поводом для объявления Вашингтоном войны бывшей метрополии в 1812 г. Конфликт продлился почти три года и закончился подписанием Гентского договора 1814 г. Он трактовался Вашингтоном как победа над самой могущественной империей мира и вызвал рост патриотических настроений в американском обществе, стремление к торговой и политической экспансии, прежде всего в Южной Америке, к призывам блокировать вмешательство европейцев в дела Нового Света.

В Войне за независимость между Испанией и ее мятежными колониями в Южной Америке как США, так и Великобритания официально придерживались политики «нейтралитета». Однако многочисленные заявления и указы о «невмешательстве» были не более чем уловкой. Британцы нарушали почти все принятые ими обязательства⁵. Практически с первого дня боев за независимость британские моряки служили во флотилиях латиноамериканских повстанцев. Только в 1818 г. шесть британских экспедиционных корпусов были скрытно переброшены к северному побережью Южной Америки. Там их объединили в «Британский легион». Его ряды состояли из закаленных в битвах с Наполеоном и дисциплинированных бойцов, которыми командовали опытные офицеры. Легион сыграл значительную роль в борьбе с Испанией под началом «Освободителя» Южной Америки С. Боливар.

Английское оружие и военное снаряжение (излишки которого скопились в Британии во время наполеоновских войн) открыто прибывали в Южную Америку на военных кораблях и торговых судах⁶. Власти США также стремились обозначить свои позиции в преддверии дележа «испанского наследства»⁷. Однако усилия американцев были несравнимы с тем, что могла позволить себе могущественная Британия. Лондон (как и Вашингтон) не хотел допустить европейских конкурентов к богатствам Латинской Америки.

Державы, победившие Наполеона, создали Священный союз, но Англия отказалась формально войти в него. Союз встал на защиту монархий, включая испанскую корону. И этот факт был мастерски обыгран во внешней политике Британии, которая всячески подчеркивала свою роль «спасительницы» Южной Америки от «злых происков» Испании и других европейских монархий.

При этом беззастенчиво использовалось незнание освободителями латиноамериканских стран всех тонкостей европейской политики. Так, еще на Ахенском конгрессе Священного союза в 1818 г. была принята резолюция об отказе от применения военной силы в отношении Южной Америки. Тогда испанский король Фердинанд VII в 1819 г. решился организовать военную экспедицию в район Рио-де-ла-Платы своими силами. Но она так и не прибыла в Южную Америку, так как колоссальные расходы на ее подготовку полностью подорвали королевскую казну. Экономический крах стал причиной либеральной революции в Испании, и смена режима в 1820 г. фактически поставила крест на планах реставрации испанской королевской власти в Южной Америке.

Тем не менее после Веронского конгресса Священного союза в 1822 г. для манипулирования общественным мнением в Южной Америке власти Лондона утверждали, что спасли континент от «смертельной опасности», якобы связанной с планами организации совместной интервенции европейских держав для реставрации власти испанской короны

⁴ Согрин В.В. Американская цивилизация. М., 2020. С. 33.

⁵ Tatum E.H. Jr. The United States and Europe, 1815–1823: A Study in the Background of the Monroe Doctrine. Berkeley, 1936. P. 151–153.

⁶ Webster C.K. Britain and the Independence of Latin America. Oxford, 1944. P. 39–46.

⁷ Niles Weekly Register (Baltimore). 31.I.1818. P. 371; Lockey J.B. Pan-americanism. Its Beginnings. New York, 1920. P. 172–175.

в Новом Свете. Но все это было явной неправдой. Вопрос о Южной Америке занимал второе-степенное место и даже формулировался как «признание независимости южноамериканских государств» (нигде в документах ни разу не упоминалась организация военной экспедиции).

Однако министр иностранных дел Британии Дж. Каннинг вознамерился снискать для Британии лавры «спасителя испанской Америки от козней Священного союза».

И с подачи властей английские газеты опубликовали и широко распространили фальшивку — так называемый «секретный Веронский договор», заключенный якобы между Россией, Францией Австрией и Пруссией, в котором монархи клялись силой уничтожить любые конституционные правительства в Старом и Новом Свете. В Латинской Америке (да и в Европе) многие десятилетия этот «документ» воспринимался как подлинный, а Каннинг выступал в роли «рыцаря, победившего четырехглавого дракона»⁸.

Это была одна из первых масштабных фальшивок в новой истории, сознательное извращение ситуации с целью создания «образа врага» в лице европейских монархий и подчинения своему влиянию новых независимых государств Южной Америки⁹. Любопытно, что эту подделку использовали через сто лет во время дебатов в сенате США в декабре 1917 г. для оправдания интервенции американских войск в Европу¹⁰.

Для подкрепления веронской фальшивки Каннинг в октябре 1823 г. соорудил так называемый «меморандум Полиньяка». Во время беседы с Ж. Полиньяком, назначенным послом Франции в Лондоне, Каннинг задал вопрос, имеет ли Франция захватнические планы в отношении Южной Америки. Естественно, Полиньяк ответил «нет», так как на самом деле таких планов не было. Тогда министр сказал: «Давайте изложим это на бумаге и подпишем». Полиньяк, не зная всех тонкостей протокола, простодушно подписал эту бумагу. В итоге Каннинг представил перед латиноамериканцами (да и США) дело так, что он «вынудил Полиньяка под угрозой военного конфликта между Англией и Францией отказаться от всякой идеи французской агрессии или захвата сфер влияния в бывших колониях Испании» (тот факт, что посол явно не имел подобных полномочий, никого не интересовал). Этот «меморандум» использовался как «доказательство» того, что захватнические планы со стороны Франции имели место, но были пресечены благодаря англичанам.

Американские власти, прекрасно зная о фальсификации, тем не менее использовали ее для подготовки доктрины Монро. Президент Монро и его сотрудники (прежде всего государственный секретарь Д.К. Адамс, фактический автор доктрины) якобы «сочли необходимым предпринять шаги, чтобы предотвратить любое движение в этом направлении»¹¹. И 2 декабря 1823 г. в ежегодном послании конгрессу США президент заявил, что Западное полушарие является зоной, закрытой для вмешательства европейских держав («Америка для американцев»).

В декларации провозглашался принцип запрета на дальнейшую колонизацию территории Западного полушария европейскими странами. Утверждалось, что сложившуюся международную обстановку США «сочли созревшей для утверждения в качестве принципа, с которым связаны права и интересы Соединенных Штатов, того, что американские континенты, ввиду свободного и независимого положения, которого они добились и которое они сохранили, не должны впредь рассматриваться в качестве объекта для будущей колонизации любой европейской державой».

Помимо того, в доктрине проводилось сравнение политических систем европейских держав с американской политической системой, которая объявлялась более совершенной,

⁸ Schellenberg T.R. The Secret Treaty of Verona: A Newspaper Forgery // The Journal of Modern History. 1935. Vol. 7. № 3. P. 280–291; Torre del Río R. de la. El falso tratado secreto de Verona de 1822 // Cuadernos de Historia Contemporánea. 2011. Vol. 33. P. 277–293.

⁹ Kossak M. El contenido burgués de las Revoluciones de independencia en América Latina // Secuencia. 1989. № 13. P. 144–162.

¹⁰ US Congressional Record-Senate. Washington, 1917. P. 66.

¹¹ Inman S.G. The Monroe Doctrine and Hispanic America // The Hispanic American Historical Review. 1921. Vol. 4. P. 636.

«созревшей благодаря мудрости ее самых просвещенных граждан и в рамках которой мы пользуемся беспрецедентным счастьем». На этом основании, а также в связи с тем, что в «войнах европейских держав, в вопросах, касающихся их самих, мы никогда не принимали участия», президент Монро заявил от имени США: «Мы будем рассматривать любую попытку со стороны европейских держав распространить их систему на любую часть нашего полушария опасной для нашего спокойствия». При этом уточнялось, что США не намерены препятствовать европейским державам свободно распоряжаться своими колониями в Западном полушарии: «Мы не вмешивались и не будем вмешиваться в дела существующих колоний или зависимых территорий какого-либо европейского государства».

Что же касается латиноамериканских государств, добившихся независимости и признанных правительством США, то, по словам Монро, «мы не можем рассматривать вмешательство в их дела со стороны какой-либо европейской державы с целью их подчинения или контроля любым другим способом их судьбы иначе, как проявление недружественного отношения к Соединенным Штатам»¹².

Как видно из текста послания Монро, в сформулированной им доктрине четко и категорично заявлялось, что США отныне не намерены мириться с дальнейшей экспансией европейских держав в Западном полушарии. Но в ней ничего не говорилось по поводу того, что сами США не намерены проводить экспансионистскую политику в отношении своих южных соседей. По этому вопросу в послании содержались очень туманно сформулированные заявления о «правах и интересах Соединенных Штатов», которые фактически означали, что США могут действовать в Западном полушарии так, как они считают для себя выгодным.

Так, в послании говорилось о намерении правительства США следовать провозглашенному курсу, «если не произойдут изменения, которые, по мнению нашего правительства, должны привести к соответствующим коррективам со стороны Соединенных Штатов, необходимым для их безопасности».

Более того, провозглашалось, что расширение территории США и «экспансия нашего населения... оказали счастливейшее влияние на все высшие интересы нашего Союза», и декларировалось право США «принять любую меру, которая может стать необходимой» для увековечивания «американской системы»¹³. Эти положения доктрины Монро были продиктованы стремлением представить американские экспансионистские интересы как отражение «естественных» потребностей развития США.

В большинстве работ, посвященных доктрине Монро, утверждается, что «отцы-основатели» США и бывшие президенты Т. Джефферсон и Дж. Мэдисон выступали за необходимость подписания совместного англо-американского заявления. Однако, пишут они, госсекретарь Д.К. Адамс счел целесообразным сделать заявление от имени США, дабы его страна не выглядела «крохотной шлюпкой, которая тащится в кильватере британского боевого корабля». И президент Монро якобы согласился с его аргументацией¹⁴.

Но ситуация была намного сложнее. Главную роль сыграло уже сформировавшееся противостояние между США и Британией по вопросу о будущем господстве в Латинской Америке. Имперские амбиции проявились в политике США уже в начале XIX в. Американский историк А. Уитекер считал, что, вопреки сложившемуся убеждению, идея «Западного полушария» служила не столько для поддержания и функционирования политической структуры межамериканских отношений и их географической локации, сколько для олицетворения «специфического подхода к мировой политике, призванного закрепить доминирующие позиции США в этом регионе»¹⁵. Он определил интеллектуальные

¹² *Sexton J.* The Monroe Doctrine: Empire and Nation in Nineteenth-Century America. New York, 2011. P. 87–90; *Hamilton R.M.* The Monroe Doctrine: The Birth of American Foreign Policy. New York, 2017.

¹³ *Sexton J.* Op. cit. P. 59–61.

¹⁴ *Cavanagh Hodge C., Nolan C.J.* U.S. Presidents and Foreign Policy: From 1789 to the Present. Santa Barbara, 2007. P. 59; *McGrath T.* James Monroe: A Life. New York, 2020. P. 518.

¹⁵ *Whitaker A.P.* The Western Hemisphere Idea: Its Rise and Decline. Ithaca, 1954. P. 6.

истоки концепции «Западного полушария» в первые два десятилетия XIX в. в стремлении Томаса Джефферсона исключить европейское влияние из Америки и его известной идеи Америки как «полушария в себе и для себя»¹⁶. Также немалую роль в ее формулировании сыграла доктрина «явного предначертания» (*Manifest Destiny*), которая использовалась для первых экспансионистских планов, связанных с колонизацией «дикого Запада» и геноцидом местного населения.

Помимо этого, отказ американцев подписать совместную декларацию с англичанами был связан с «кубинским вопросом». В ту пору судьба Кубы с ее исключительно важным стратегическим положением привлекала внимание всех крупнейших политиков и дипломатов¹⁷.

В октябре 1822 г. Каннинг писал своему двоюродному брату, британскому послу в Вашингтоне, о том, что Соединенные Штаты с их неутолимой жадой захватов новых земель попытаются оккупировать Кубу. Приводя в качестве аргументов донесения офицеров военно-морского флота США, газетные статьи и другие свидетельства, он указывал также на то, что американцы в переписке уж слишком горячо отрицают наличие у них подобных планов, «что также подозрительно, ибо излишний пыл, проявленный без причины, наводит на мысль о наличии у них именно той злонамеренности, которую они на словах осуждают»¹⁸.

Эти подозрения британского министра были небезосновательными. Госсекретарь Адамс хотел на самом деле аннексировать Кубу, либо побудить ее добровольно войти в США на правах одного из штатов¹⁹. Однако препятствием этому могла стать совместная с англичанами декларация против Священного союза²⁰. Именно поэтому Каннинг настоял на одностороннем заявлении. Более того, когда президент Монро прислал Адамсу окончательный текст своего послания для прочтения, тот вдруг увидел формулировку, почерпнутую, видимо, у Каннинга: «Соединенные Штаты не имеют намерения приобретать любые территории, принадлежащие Испании, ни мирным способом, ни военной силой». И госсекретарь просто вычеркнул эту фразу президента²¹.

Доктрину Монро в момент ее создания можно признать некоей «декларацией о намерениях» или (выражаясь современным языком) «красной линией» во взаимоотношениях с европейскими странами. Фактически США в одностороннем порядке сообщили о том, что рассматривают Западное полушарие как свой стратегический «задний двор». Смутно утверждалось, что США делают акцент на республиканизм в противовес монархиям (хотя Вашингтон признал независимость Бразилии во главе с императором Педру I в 1824 г.).

При разработке доктрины Монро никоим образом не учитывались чаяния народов Южной Америки на соверенное развитие, равноправие в международных отношениях. В дневниках Адамса содержится следующая запись, датированная 19 сентября 1820 г.: «Что касается американской системы, то она полностью и исключительно образуется нами самими. Между Северной и Южной Америкой не существует ни общности принципов, ни единства интересов»²².

В треугольнике Англия – США – Латинская Америка последней изначально была определена роль сырьевого придатка, экономического «лузера». Пользуясь слабостью колоний в первоначальный период после освобождения, англосаксы (по обе стороны

¹⁶ Ibid. P. 27–29.

¹⁷ Inman S.G. Op. cit. P. 636.

¹⁸ Public Record Office, F. O., America 165. George Canning to Stratford Canning, October 11, 1822 // The American Historical Review. 1906. Vol. 11. № 4. P. 789.

¹⁹ Temperley H.W.V. The Later American Policy of George Canning // The American Historical Review. 1906. Vol. 11. P. 789–791.

²⁰ Adams J.Q. Memoirs. Vol. VI. New York, 2010. P. 177–178, 203.

²¹ Ibid. P. 193–196.

²² Adams J.Q. Diary. Vol. 31. 1820 // Massachusetts Historical Society. URL: https://www.masshist.org/jqdiaries/php/doc?id=jqad31_2 (дата обращения: 15.07.2023).

Атлантики) всячески поощряли сепаратизм и разбили континент на «управляемые» страны. Они не скупались на кредиты и займы, чтобы затянуть долговую удавку на шею молодых государств. И, наконец, они всячески тормозили промышленное развитие, прежде всего создание латиноамериканцами своего флота. А без него возможность какой-то игры на противоречиях между соперниками была сведена к нулю. В ликвидации в Латинской Америке начатков мануфактурного производства и, самое главное, судостроения между США и Англией, несмотря на соперничество между ними, было полное взаимопонимание и консенсус²³.

Континент сотрясали постоянные гражданские конфликты и войны (вину за которые как англичане, так и американцы, естественно, возлагали на самих же местных жителей, «прирожденных анархистов»). Долговые кризисы и дефолты, длившиеся десятилетиями, были вызваны политикой европейских (прежде всего британских) банкиров и финансовым кризисом 1825 г., который разразился в Лондоне и поразил Европу, США и более всего Латинскую Америку²⁴.

Совокупное воздействие внешних заимствований, долговой удавки и политики «свободной торговли» стало основополагающим инструментом нового способа неокOLONIALного подчинения латиноамериканских стран, который применялся в XIX в.

Доктрина Монро, предусматривавшая «исключительные права» Соединенных Штатов на доминирующие позиции в Западном полушарии, стала важнейшей вехой на гегемонистском пути США. Однако в 20-е годы XIX в. мало кто из политиков обратил на нее внимание, так как в Латинской Америке доминировала самая могущественная держава того времени — Британия. Созданный ею «мост доверия» с национально-освободительным движением латиноамериканцев был крайне важным для англичан, главная задача которых состояла в расколе Южной Америки на множество «независимых» государств и подчинения их своим экономическим и политическим интересам. С этой целью поощрялись все местные сепаратистские движения и, напротив, всеми силами и средствами наносились удары по объединительным инициативам. При подготовке Панамского конгресса 1826 г. С. Боливар рассчитывал, что Лондон поддержит его в планах создания единой испано-американской демократической федерации, перестройки всемирных международных отношений на основах справедливости.

Однако Британия пошла по пути заключения двусторонних соглашений с сепаратистскими режимами, инициации распрей и конфликтов между латиноамериканскими странами. Дипломатическое признание независимых республик дополнялось различными преференциями в торговле, статусом «наиболее благоприятствуемой нации», гарантиями возврата британских кредитов (и закупки на них только английских товаров) и проч. Пять лондонских банков установили полный контроль над латиноамериканским рынком: Barclays, B.A. Goldsmith and Co, Herring, Powles and Graham, Baring Bros. и N.M. Rothschild and Sons. Все они, помимо финансовых операций, были основными акционерами самых прибыльных латиноамериканских горнодобывающих и сырьевых компаний²⁵.

Каннинг, естественно, безоговорочно выступал против той части доктрины Монро, в которой декларировалось, что американский континент в будущем будет закрыт для колонизации европейскими державами. Это совершенно противоречило имперским планам Британии на «испанское наследство». Однако перевес сил на стороне Британии был столь значительным, что они могли практически не обращать внимания на действия североамериканских «конкурентов» не только в торговле, но и во всех других вопросах, включая переделку государственных границ.

²³ USNA, J. M. MacPherson to Van Buren, Cartagena, Dec. 14, 1829, Despatches from United Consuls in Cartagena, 1822–1906, roll I. Charles M. Ricketts to Canning, Lima, Dec. 27, 1826 // British Consular Reports on the Trade and Politics of Latin America, 1824–1826 / ed. R.A. Humphreys. London, 1940. P. 137–140.

²⁴ *Marichal C. A Century of Debt crises in Latin America: from Independence to the Great Depression, 1820–1930.* Princeton, 1989. P. 43–67.

²⁵ *Ibid.* P. 24–30.

Англичане презрительно называли доктрину Монро и попытки патрулирования побережья континента «бумажной блокадой». Несмотря на принятие доктрины Монро, США не имели средств противостоять англичанам. Британские корабли даже не брезговали пиратством, останавливали и грабили американские торговые суда. Успехи Англии в навязывании экономического, политического и культурного империализма позволили главе Форин-офиса Дж. Каннингу заявить в 1824 г.: «Дело сделано, последний гвоздь вбит, Испанская Америка свободна, и если мы не провалим дело сами, она будет принадлежать Англии»²⁶.

В первые десятилетия независимости латиноамериканских стран влияние Великобритании было преобладающим. Если она поставляла самые различные промышленные изделия, то Соединенные Штаты, несмотря на свой значительный экономический рост, все еще жили за счет своих ферм, лесов и рыболовства. Основным товаром США на латиноамериканском рынке была пшеничная мука.

Несмотря на «жесткую» репутацию доктрины, которая сложилась к концу XIX в., у США в течение полувека с момента ее принятия не было никаких рычагов для реализации заявленных целей. Британцы в 1833 г. даже не вспомнили о ней, когда аннексировали Фолклендские (Мальвинские) острова. С согласия Лондона Испания в 1861 г. восстановила свой колониальный контроль над Санто-Доминго (в настоящее время Доминиканская Республика), а в 1861–1867 гг. Британия, Франция и Испания организовали интервенцию в Мексику (пока в США бушевала Гражданская война) и установили там свой марионеточный режим.

Тем не менее к середине XIX в. на фоне экономических и финансовых неурядиц в Англии конкурентные позиции США и Британии начали постепенно выравниваться за счет динамичного развития американской экономики. Немалую роль в этом сыграл огромный приток рабочей силы из Британии²⁷. Индустриализация в США была бы невозможна без навыков, приобретенных у иммигрантов из Англии – квалифицированных рабочих и инженерно-технического персонала. Кроме того, американцы никогда не гнушались технологическим пиратством, попросту игнорируя международное законодательство в сфере авторских прав²⁸.

Уже к середине XIX в. Англия, несмотря на всю мощь своего флота и неоспоримые позиции лидера в научно-техническом прогрессе, с опаской относилась к Соединенным Штатам. Это ярко проявилось в целой серии событий, связанных с американо-мексиканской войной 1846–1848 гг.

К середине 30-х годов, когда мексиканское государство было на грани распада, местные власти Техаса и Юкатана пожелали отделиться от Мексики. Британия, признавшая республику Техас в 1842 г., была против ее присоединения к США, опасаясь роста могущества своего основного конкурента и верная излюбленной тактике создания «буферных зон» между государствами. Однако у ее властей не было уже напора, изобретательности, предприимчивости, которые были характерны для начала века.

Этот водораздел в англо-американских отношениях, свидетельствующий о военно-политическом паритете, четко отразил американский посол в Париже У. Кинг в секретной депеше госсекретарю Дж. Кэлхуну: «В вопросе о присоединении Техаса не должно быть никаких колебаний. Рычание британского льва должно только побуждать нас к немедленным действиям. Колебаться в нашем курсе из опасения враждебности Британии значило бы опозорить нас в глазах всей Европы. После того как акт [о присоединении Техаса] будет подписан, Англия начнет жаловаться, может быть, она даже будет угрожать, и ее газеты разразятся оскорблениями, но на этом все и закончится, ибо при всей своей

²⁶ *Temperley H.W.V.* Op. cit. P. 796.

²⁷ *Historical Statistics of the United States, Colonial Times to 1970.* Washington (D.C.). 1975. P. 106.

²⁸ *Ben-Atar D.S.* Trade Secrets: Intellectual Piracy and the Origins of American Industrial Power. New Haven (Conn.), 2004; *Johns A.* Piracy: The Intellectual Property Wars from Gutenberg to Gates. Chicago, 2009.

мощи Британия чувствует, что война с нами нанесет ей больший ущерб, чем с какой-либо другой страной»²⁹.

В декабре 1845 г. Британии пришлось испытать чашу унижения после утверждения в Конгрессе США закона о присоединении Техаса к Соединенным Штатам. Но на этом цепь дипломатических и политических поражений англичан не закончилась. В январе 1846 г. они были вынуждены подписать «Орегонский договор», который предусматривал уступку земель, находившихся в совместном американо-британском владении, Соединенным Штатам. Причем под давлением Вашингтона граница была установлена не по широте 42° (на чем настаивали британцы), а 49°, предложенных американцами.

В американо-мексиканской войне 1846–1848 гг. Британии пришлось играть роль «нейтральной державы», наблюдая, как рушатся ее планы создания «независимой Калифорнии», и к землям ее основного конкурента отходит более половины территории Мексики. Лондону пришлось довольствоваться ролью посредника в заключении мирного договора, по которому США захватили 2,3 млн км² мексиканской территории, увеличив площадь своей страны более чем на 30%, благодаря чему сразу же вошли в число ведущих держав мира.

В этом соперничестве чаша весов все более склонялась в пользу США. В годы Гражданской войны в США (1861–1865) британцы могли еще диктовать свои условия, пользуясь военно-морским превосходством. Они заставили северян вернуть дипломатов Конфедерации, направлявшихся в Англию для переговоров о помощи южанам в Гражданской войне, которых сняли с британского почтового пакетбота «Трент» в ноябре 1861 г. Этот эпизод, по мнению ряда историков, поставил США и Британию на грань полномасштабной войны и стал «самой мрачной страницей во взаимоотношениях между Британией и США на протяжении всей Гражданской войны»³⁰. Несмотря на то что представителей южан отпустили в 1862 г., они так и не смогли добиться от Англии дипломатического признания Конфедерации.

После войны США заставили Лондон оплатить денежные претензии, связанные с рейдерством корабля конфедератов «Алабама» во время Гражданской войны, которое поощрялось англичанами. «Алабамская претензия» распространялась также на другие корабли южан, которые совершали с территории Канады (в то время английской колонии) нападения на торговые суда северян. Англия была вынуждена в 1872 г. оплатить часть предъявленной претензии в размере 15,5 млн долл.³¹ (О. фон Бисмарк назвал это «самым очевидным признаком слабости и упадка Британии»³²). И общая сумма претензий до сих пор не погашена (она выставлена на сайте Госдепа), так как США считают, что «подрывные» действия англичан затянули Гражданскую войну на два года.

Благодаря огромному притоку инвестиций из Британии, поощрявшихся канцлером казначейства (а затем премьер-министром) Б. Дизраэли, США смогли в кратчайшие сроки создать мощный военно-морской флот. Броненосец высшего класса («монитор») «Монаднок» был отправлен в Сан-Франциско вокруг Латинской Америки, мыса Горн, и его поход стал демонстрацией влияния США в Западном полушарии. В борьбе за военно-морское господство к 1866 г. США практически сравнялись с Британией³³. Американские торговцы уже могли не опасаться нападений британских рейдеров.

Почувствовав свою уязвимость, британская внешняя политика по отношению к США с 1865 г. стала преимущественно политикой «умиротворения» (appeasement). Хотя, как

²⁹ King to Calhoun, December 28, 1844 // Report of the American Historical Association. Vol. II. New York, 1899. P. 1014.

³⁰ *Braveboy-Wagner J.A.* The Venezuela-Guyana Border Dispute: Britain's Colonial Legacy in Latin America. Abington, 2019. P. 54.

³¹ Alabama Claims of the United States of America against Great Britain // Reports of International Arbitral Awards. 1871. Vol. XXIX. New York, 2012. P. 125–134.

³² *Kent G.* Bismarck and his times. New York, 1978. P. 108.

³³ *Fuller H.J.* Op. cit. P. 270–277.

отмечает П. Кеннеди, «этот термин был дискредитирован впоследствии умиротворением А. Гитлера со стороны Н. Чемберлена в ходе мюнхенских переговоров 1938 г.», он не имел столь негативного смысла в 60-е годы XIX в., хотя данная политика подвергалась резкой критике британскими «имперцами» за уступки и компромиссы³⁴.

Падение роли Англии в Западном полушарии отразилось на ее позиции во время испано-американской войны 1898 г. Еще до ее начала в 1897 г. премьер-министр Р. Солсбери заявил, что Британия не будет возражать против приобретения Гавайских островов и Филиппин Соединенными Штатами. Некоторое время Лондон упрямылся в отношении Кубы, предлагая придать острову (тогдашней колонии Испании) статус доминиона. В посланиях англичан Госдепу США и Конгрессу в начале апреля 1898 г. указывалось, что война в условиях, когда Испания объявила о прекращении боевых действий против повстанцев, борющихся за независимость Кубы, будет рассматриваться мировым сообществом как «нелегитимная»³⁵.

Однако с началом войны Великобритания безоговорочно поддержала США. Лидеры Демократической партии США, находившиеся в этот период в оппозиции, предположили даже, что между правительствами двух стран был заключен секретный договор, по которому Британия согласилась поддерживать США в обмен на поддержку Англии в ближневосточных делах³⁶. В Европе многие деятели открыто возмущались тем, что Англия «поощряет империалистические амбиции США»³⁷. Невзирая на протесты в своем собственном парламенте, лидеры английских консерваторов, находившихся тогда у власти, А. Бальфур и Н. Чемберлен открыто призывали к заключению военного союза с США, некоторые даже ратовали за передачу британского флота Соединенным Штатам на правах аренды³⁸.

Важную роль в снижении роли Британии стало признание Лондоном прав Вашингтона в урегулировании пограничного спора между Венесуэлой и Британской Гвианой в 1899 г. За 60 лет до этого англичане установили границу между ними по так называемой «линии Шомбурга», захватив значительные прилегающие территории. Притязания Лондона еще более усилились с открытием месторождений золота и распространились вплоть до устья реки Ориноко. В конце 1880-х годов Британия распространила свой контроль еще более чем на 200 тыс. км² от территории Венесуэлы и отказалась признавать наличие спорных территорий.

В 1887 г. венесуэльское правительство разорвало дипломатические отношения с Великобританией и обратилось за помощью к США. Президент Г. Кливленд, основываясь на доктрине Монро, в 1895 г. предложил англичанам предоставить услуги по разрешению конфликта посредством арбитража и вынудил их принять американские условия. В феврале 1897 г. в Вашингтоне был подписан Арбитражный договор, согласно которому председателем третейского суда стал российский профессор Ф.Ф. Мартенс, который приступил к работе в Париже. В итоге слушаний была удовлетворена большая часть английских претензий, оставлена в силе «линия Шомбурга», но часть дельты Ориноко, где располагались золотодобывающие предприятия США, оставлена за Венесуэлой. Сам факт подчинения Британии решениям международного арбитража под эгидой США снижал авторитет и влияние Лондона и значительно повышал престиж Вашингтона³⁹.

³⁴ Kennedy P. *Strategy and Diplomacy, 1870–1945: Eight Studies*. London, 1983. P. 16, 21–24.

³⁵ Neale R.G. *British-American Relations during the Spanish-American War: Some Problems // Historical Studies: Australia and New Zealand*. 1953. Vol. 6. № 21. P. 79.

³⁶ Tyler D. *John Hay: From Poetry to Politics*. New York, 1933. P. 188–189.

³⁷ Neale R.G. *Op. cit.* P. 75.

³⁸ Olcott C.S. *The Life of William McKinley*. Vol. 2. Boston; New York, 1916. P. 130.

³⁹ Wagner J.B. *The Venezuela+Guyana Border Dispute: Britain's Colonial Legacy in Latin America*. Abington, 2019.

Возросший статус США был закреплен отказом Британии от своей 50%-й доли в будущем Панамском канале (договор Хейя – Паунсфота 1901 г.)⁴⁰, а также уклонением от активной поддержки Канады в споре о границе между ней и американской Аляской (этому способствовали угрозы со стороны президента Т. Рузвельта применить военную силу для разрешения конфликта)⁴¹.

В 1902 г. британские, итальянские и немецкие канонерки блокировали побережье Венесуэлы после того, как Каракас перестал выплачивать свои внешние долги. Это подтолкнуло президента Т. Рузвельта к резкому заявлению в 1904 г. о том, что Соединенные Штаты в качестве «международной полицейской державы» имеют право и ответственность пресекать «хронические правонарушения», «вопиющие случаи финансовой несостоятельности и возникновения гражданских беспорядков в регионе», вторгаться туда для «наведения порядка». Эти «дополнения Т. Рузвельта» к доктрине Монро фактически меняли ее смысл: если изначально она предупреждала европейские страны «держаться подальше» от Латинской Америки, то теперь постулировалось право Вашингтона вмешиваться во внутренние дела латиноамериканских стран. В 1903 г. Соединенные Штаты принудительно «арендовали» Гуантанамо, важнейший порт Кубы, превратив его в первую американскую военную базу за рубежом (по сей день Вашингтон отказывается возвращать его Кубе). В течение следующих двух десятилетий американские войска оккупировали Доминиканскую Республику, Гаити и Никарагуа, а также высаживались в других странах региона.

Ко времени Первой мировой войны Соединенные Штаты обошли Британию в экономических отношениях с Латинской Америкой. В 1912 г. в экспорте стран региона США выдвинулись на первое место (29,7%), опередив Британию (20,7%). В импорте они также потеснили Англию (25,5% против 24,8%)⁴². Показатели Англии держались на относительно хорошем уровне только за счет торговли с Аргентиной – последним рынком на континенте, где еще сохранялось британское влияние. После экономического кризиса 1930-х годов британское влияние на Латинскую Америку стремительно сокращалось, и это падение продолжилось после Второй мировой войны. С потерей же аргентинского рынка после Фолклендской (Мальвинской) войны 1982 г. британские торгово-экономические связи с Латинской Америкой достигли своей нижней точки.

Важнейшим эпизодом, знаменовавшим победу этой доктрины, стал вывод в 1904–1906 гг. британских военно-морских сил из Западного полушария, которое Лондон признал «бесспорной американской сферой влияния»⁴³.

В политике по отношению к Латинской Америке рост могущества США сопровождался укреплением «панамериканизма» под эгидой Вашингтона, а также дальнейшим ужесточением доктрины Монро, расширением ее географических рамок.

Хотя соперничество между США и Великобританией в Латинской Америке продолжалось в первой трети XX в., однако уже к концу Первой мировой войны стало ясно, что власти США перешли к новому этапу гегемонизма, когда видоизмененную доктрину Монро было предложено распространить на весь мир. Эта цель была озвучена в выступлении президента В. Вильсона на Парижской мирной конференции в 1919 г.⁴⁴ Как отмечали современники, вопреки логике и предшествующим дополнениям к доктрине, которые утверждали односторонние права США, Вильсон сделал этого документа настолько расплывчатым, что он стал (по его словам) основой для важнейшей 10-й статьи устава Лиги Наций. В ней говорилось о том, что государства – члены Лиги при-

⁴⁰ Major J. Prize Possession: The United States Government and the Panama Canal 1903–1979. Cambridge, 2003. P. 34–36.

⁴¹ Adams L. Brothers Across the Ocean: British Foreign Policy and the Origins of the Anglo-American “special Relationship”, 1900–1905. London, 2012. P. 99.

⁴² Balmer-Thomas V. The Economic History of Latin America Since Independence. Cambridge, 2003. P. 74–76.

⁴³ Kennedy P. Op. cit. P. 16, 21–24.

⁴⁴ The North American Review. 1920. Vol. 212. № 780. P. 590.

нимали на себя обязательства «противодействовать агрессии, уважать территориальную целостность и существующую политическую независимость членов Лиги». Более того, Вильсон провозгласил: «Если мир хочет мира, он должен следовать моральным предписаниям Америки»⁴⁵.

Эта доктрина всегда вызывала бурю негодования со стороны латиноамериканских стран, которые рассматривали ее как идеологическую основу для империалистической политики США в их регионе, многочисленных интервенций и государственных переворотов, постоянного вмешательства во внутренние дела. Она, пишет американский исследователь М. Фридман, за два века, прошедших после ее принятия, «стала настоящим проклятием для Латинской Америки»⁴⁶.

Библиография / References

- Sogrin V.V.* Американская цивилизация. М., 2020.
Sogrin V.V. Amerikanskaya civilizaciya [American Civilization]. Moskva, 2020. (In Russ.)
Adams J.Q. Diary. Vol. 31. 1820 // Massachusetts Historical Society. URL: https://www.masshist.org/jqadiaries/php/doc?id-jqad31_2 (access date: 15.07.2023).
Adams J.Q. Memoirs. Vol. VI. New York, 2010.
Adams L. Brothers Across the Ocean: British Foreign Policy and the Origins of the Anglo-American “special Relationship”, 1900–1905. London, 2012.
 Alabama Claims of the United States of America against Great Britain // Reports of International Arbitral Awards. Vol. XXIX. 1871. United Nations. New York, 2012. P. 125–134.
Balmer-Thomas V. The Economic History of Latin America Since Independence. Cambridge, 2003.
Ben-Atar D.S. Trade Secrets: Intellectual Piracy and the Origins of American Industrial Power. New Haven (Conn.), 2004.
Braveboy-Wagner J.A. The Venezuela-Guyana Border Dispute: Britain’s Colonial Legacy in Latin America. Abington, 2019.
 British Consular Reports on the Trade and Politics of Latin America, 1824–1826 / ed. R.A. Humphreys. London, 1940.
Cavanagh Hodge C., Nolan C.J. U.S. Presidents and Foreign Policy: From 1789 to the Present. Santa Barbara, 2007.
Friedman M.P. Return of the Monroe Doctrine: Making Latin America Irate again // Center for Latin American and Latino Studies, 02.02.2017. URL: <https://aulablog.net/2017/02/02/return-of-the-monroe-doctrine-making-latin-america-irate-again> (access date: 15.07.2023).
Hamilton R.M. The Monroe Doctrine: The Birth of American Foreign Policy. New York, 2017.
 Historical Statistics of the United States, Colonial Times to 1970. Washington (D.C.). 1975.
Inman S.G. The Monroe Doctrine and Hispanic America // The Hispanic American Historical Review. 1921. Vol. 4. № 4. P. 635–676.
Kennedy P. Strategy and Diplomacy, 1870–1945: Eight Studies. London, 1983.
Knock T.J. To End All Wars: Woodrow Wilson and the Quest for a New World Order. New York, 1992.
Kossak M. El contenido burgués de las Revoluciones de independencia en América Latina // Secuencia. 1989. № 13. P. 144–162.
Lockey J.B. Pan-americanism. Its Beginnings. New York, 1920.
Major J. Prize Possession: The United States Government and the Panama Canal 1903–1979. Cambridge, 2003.
Marichal C. A Century of Debt crises in Latin America: from Independence to the Great Depression, 1820–1930. Princeton, 1989.
McGrath T. James Monroe: A Life. New York, 2020.
Modeste D.M. The Monroe Doctrine in a Contemporary Perspective. Routledge, 2020.
Neale R.G. British-American Relations during the Spanish-American War: Some Problems // Historical Studies: Australia and New Zealand. 1953. Vol. 6. № 21. P. 70–79.
Olcott C.S. The Life of William McKinley. Vol. 2. Boston; New York, 1916.

⁴⁵ *Knock T.J.* To End All Wars: Woodrow Wilson and the Quest for a New World Order. New York, 1992. P. 113.

⁴⁶ *Friedman M.P.* Return of the Monroe Doctrine: Making Latin America Irate again // Center for Latin American and Latino Studies, 02.02.2017. URL: <https://aulablog.net/2017/02/02/return-of-the-monroe-doctrine-making-latin-america-irate-again> (дата обращения: 23.11.2022).